

Путеводитель по Берлину. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Путеводитель по Берлину. Владимир Владимирович Набоков

Утром я побывал в Зоологическом саду, а теперь вхожу с приятелем, постоянным моим собутыльником, в пивную: голубая вывеска, по ней белыми буквами начертано "Львиная Брага", и сбоку подмигивает портрет льва, держащего кружку пива. Усевшись, я рассказываю приятелю о трубах, трамваях и прочих важных вещах.

I ТРУБЫ

Перед домом, где я живу, лежит вдоль панели огромная черная труба, и на аршин подальше – другая, а там – третья, четвертая: железные кишки улиц, еще праздные, еще не спущенные в земляные глубины, под асфальт. В первые дни после того, как их гулко свалили с грузовиков, мальчишки бегали по ним, ползали на четвереньках сквозь эти круглые туннели, – но через неделю уже больше никто не играл, – только валил снег. И теперь, когда в матовой полутьме раннего утра я выхожу из дома, то на каждой черной трубе белеет ровная полоса, а по внутреннему скату, у самого жерла одной из них, мимо которой как раз сворачивают рельсы, отблеск еще освещенного трамвая взмывает оранжевой зарницей. Сегодня на снеговой полосе кто-то пальцем написал "Отто", и я подумал, что такое имя, с двумя белыми "о" по бокам и четой тихих согласных посерединке, удивительно хорошо подходит к этому снегу, лежащему тихим слоем, к этой трубе с ее двумя отверстиями и таинственной глубиной. II ТРАМВАИ

Трамвай лет через двадцать исчезнет, как уже исчезла конка. Я уже чувствую в нем что-то отжившее, какую-то старомодную прелесть. Все в нем немного неуклюже, шатко, – и когда, при слишком быстром повороте, перо соскакивает с провода, и кондуктор, или даже один из пассажиров, перегнувшись через вагонную корму и глядя вверх, тянет, трясет веревку, норовя привести перо в должное положение, – я всегда думаю о том, что возница дилижанса, должно быть, ронял иногда кнут, и осаживал свою четверку, и посылал за кнутом парня в дологополой ливрее, сидевшего рядом на козлах и пронзительно трубившего в рожок, пока, гремя по булыжникам, дилижанс ухал через деревню.

У трамвайного кондуктора, выдающего билеты, совсем особые руки. Они так же проворно работают, как руки пианиста, – но вместо того, чтобы быть бескостными, потными, с мягкими ногтями, руки кондуктора – такие жесткие, что когда, – вливая ему в ладонь мелочь, – случайно дотронешься до этой ладони, обросшей словно грубым, сухим хитином, становится нехорошо на душе. Необычайно ловкие, ладные руки, – несмотря на грубость их и толщину пальцев. Я с любопытством гляжу, как, зажав черным квадратным ногтем билетик, он прокалывает его в двух местах, как шарит пятерней в кожаном кошельке, загребая монеты для сдачи, и тотчас кошель захлопывает, дергает тренькающий шнур или ударом большого пальца отпахивает окошечко в передней двери, чтобы дать билеты стоящим на площадке. И при этом вагон качает, люди в проходе хватаются за висячие ремни, при каждом толчке поддаются то вперед, то назад, – но он не уронит ни одной монеты, ни одного лоскутка, оторванного от билетного ролика. Теперь, в зимние дни, передняя дверца завешена внизу зеленым сукном, окна помутнели от мороза, у остановки, на краю панели, толпятся рождественские елки, – и зябнут у пассажиров ноги, и кондукторская рука подчас бывает в серой вязаной митенке. На конечной станции передний вагон отцепляется, переходит на другие рельсы, обходит оставшийся, возвращается с тыла, – и есть что-то вроде покорного ожидания самки в том, как второй вагон ждет, чтобы первый, мужеский, кидая вверх легкое трескучее пламя, снова подкатил бы, прицепился. И мне вспоминается, как, лет восемнадцать тому назад, в Петербурге, отпрягали лошадей, вели их вокруг пузатой синей конки.

Конка исчезла, исчезнет и трамвай, – и какой-нибудь берлинский чудак-писатель в двадцатых годах двадцать первого века, пожелав изобразить наше время, отыщет в музее былой техники столетний трамвайный вагон, желтый, аляповатый, с сидениями, выгнутыми по-старинному, и в музее былых одежд отыщет черный, с блестящими пуговицами, кондукторский мундир, – и, придя домой, составит описание былых берлинских улиц. Тогда все будет ценно и полновесно, – всякая мелочь: и кошель кондуктора, и реклама над окошком, и особая трамвайная тряска, которую наши правнуки, быть может, вообразят; все будет облагорожено и оправдано стариной.

Мне думается, что в этом смысл писательского творчества: изображать обыкновенные

Путеводитель по Берлину. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru вещи так, как они отразятся в ласковых зеркалах будущих времен, находить в них ту благоуханную нежность, которую почуют только наши потомки в те далекие дни, когда всякая мелочь нашего обихода станет сама по себе прекрасной и праздничной, – в те дни, когда человек, надевший самый простенький сегодняшний пиджачок, будет уже наряжен для изысканного маскарада. III РАБОТЫ

Вот образы разных работ, которые я наблюдаю из трамвайного окна.

На перекрестке вдоль рельс разворочен асфальт; четверо рабочих поочередно бьют молотами по котырге; первый ударил, второй уже опускает размашистым и точным движением молот; второй молот грянул и опять высоко поднимается, пока рушатся равномерно, один за другим, третий, четвертый. Я слушаю их неторопливый звон, чугунные куранты, четыре повторяющиеся ноты.

Молодой белый пекарь в колпаке промахнул на трехколесном велосипеде: есть что-то ангельское в человеке, осыпанном мукой. Дребезжит фургон с ящиками на крыше, в ящиках изумрудно поблескивают ровные ряды пустых бутылок, собранных по кабакам. Таинственно провезли на телеге длинную черную лиственницу: она лежит плашмя, макушка мягко вздрагивает, а корни с землей, завернутые в плотную рогожу, образуют у ее основания огромную, желтовато-бурую бомбу. Почтальон подставил мешок под кобальтовый почтовый ящик, нацепляет его снизу и тайно, незримо, с поспешным шелестом, ящик опоражнивается, и почтальон захлопывает квадратную пасть отяжелевшего мешка. Но, быть может, прекраснее всего – бланжевые, в розовых подтеках и извилинах, туши, наваленные на грузовик, и человек в переднике, в кожаном капюшоне с долгим затыльником, который берет тяжкую тушу на спину и, сгорбившись, несет ее через панель в румяную лавку мясника.

IV ЭДЕМ

Во всяком большом городе есть своего рода земной рай, созданный человеком.

Если церкви говорят нам об Евангелии, то зоологические сады напоминают нам о торжественном и нежном начале Ветхого Завета. Жаль только, что этот искусственный рай – весь в решетках, но правда, не будь оград, лев пожрал бы лань. Все же это, конечно, рай, – поскольку человек способен рай восстановить, и недаром против берлинского Зоологического сада большая гостиница названа так: гостиница Эден.

Теперь, зимой, когда тропических зверей спрятали, я советую посещать дом земноводных, насекомых, рыб. В полутемной зале ряды озаренных витрин по бокам похожи на те оконца, сквозь которые капитан Немо глядел из своей подводной лодки на морские существа, вьющиеся между развалин Атлантиды. За этими витринами, в сияющих углублениях, скользят, вспыхивая плавниками, прозрачные рыбы, дышат морские цветы, и на песочке лежит живая пурпурная звезда о пяти концах. Вот, значит, откуда взялась пресловутая эмблема: с самого дна океана – из темноты потопленных Атлантид, давным-давно переживших всякие смуты, – опыты глуповатых утопий, – и все то, что тревожит нас.

И, конечно, нужно посмотреть, как кормят черепах. Эти тяжкие, древние роговые купола привезены с Галапагосских островов. Из-под пятипудового купола медленно (как задержанный снимок в кинематографе), с какой-то дряхлой опаской, высовывается морщинистая плоская голова и две ни на что не способные лапы. И толстым, рыхлым языком, чем-то напоминающим язык гугнивого кретина, которого вяло рвет безобразной речью, черепаха, уткнувшись в кучу мокрых овощей, неопратно жует листья.

Но этот купол над ней, – ах, этот купол, – вековой, потертый, тусклая бронза, великолепный груз времен...

V ПИВНАЯ

– Это очень плохой путеводитель, – мрачно говорит мой постоянный собутыльник. – Кому интересно знать, как вы сели в трамвай, как поехали в берлинский Аквариум?

Пивная, в которой мы с ним сидим, состоит из двух помещений, одно большое, другое поменьше. В первом стоит посередине бильярд, по углам – несколько столиков, против входной двери – стойка, и за ней бутылки на полках. В простенке висят, как бумажные знамена, газеты и журналы на коротких древках. В глубине –

Путеводитель по Берлину. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru широкий проход, и там видна тесная комнатка с зеленым диваном вдоль стены, под зеркалом, из которого вываливается полукруглый стол, покрытый клетчатой клеенкой, и прочно становится перед диваном. Эта комната относится к убогой квартирке хозяина. Там жена его, полногрудая, увядшая немка, кормит супом белокурого ребенка.

- Неинтересно,- утверждает с унылым зевком мой приятель.- Дело вовсе не в трамваях и черепахах. Да и вообще... Скучно, одним словом. Скучный, чужой город. И жить в нем дорого...

Из нашего угла подле стойки очень отчетливо видны в глубине, в проходе,- диван, зеркало, стол. Хозяйка убирает со стола посуду. Ребенок, опираясь локтями, внимательно разглядывает иллюстрированный журнал, надетый на рукоятку.

- Что вы там увидели,- спрашивает мой собутыльник и медленно, со вздохом, оборачивается, тяжело скрипя стулом.

Там, в глубине, ребенок остался на диване один. Ему оттуда видно зальце пивной, где мы сидим,- бархатный островок биллиарда, костяной белый шар, который нельзя трогать, металлический лоск стойки, двое тучных шоферов за одним столиком и мы с приятелем за другим. Он ко всему этому давно привык, его не смущает эта близость наша,- но я знаю одно: что бы ни случилось с ним в жизни, он навсегда запомнит картину, которую в детстве ежедневно видел из комнатки, где его кормили супом - запомнит и биллиард, и вечернего посетителя без пиджака, отодвигавшего белым углом локоть, стрелявшего кием по шару,- и сизый дым сигар, и гул голосов, и отца за стойкой, наливавшего из крана кружку пива.

- Не понимаю, что вы там увидели,- говорит мой приятель, снова поворачиваясь ко мне.

И как мне ему втолковать, что я подглядел чье-то будущее воспоминание?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!